Национальная политика советского государства в годы борьбы с фашизмом

Исрапов Александр Абдулагаджиевич
д.и.н., профессор, Международный юридический институт МЮИ, e-mail: aleks_isrp@mail.ru

Статья посвящена исследованию военно-мобилизационной политики Советского государства в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования заключается в выявлении причин введения ограничений на призыв представителей отдельных северокавказских народов в Красную Армию, анализе нормативно-правовых актов, регламентировавших мобилизационные мероприятия, а также определении взаимосвязи призывной политики с реализацией национальной политики СССР в условиях военного времени. Методологическую основу исследования составили историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический и историко-правовой методы. Источниковую базу образовали секретные постановления Государственного комитета обороны СССР, директивы и приказы Народного комиссариата обороны СССР, архивные документы, материалы партийных и государственных органов, а также научные публикации по рассматриваемой проблематике. Установлено, что ограничения на призыв были обусловлены не только военно-оперативными обстоятельствами, но и сложной социально-политической ситуацией в отдельных северокавказских автономиях, ростом дезертирства, вооруженного бандитизма и антисоветских выступлений. Показано, что военно-мобилизационная политика стала одним из инструментов реализации государственной национальной политики, отражавшим уровень доверия центральной власти к отдельным этническим группам. Сделан вывод, что сочетание ограничительных мер и добровольческого движения определяло специфику взаимодействия государства с населением Северного Кавказа и существенно повлияло на развитие межнациональных отношений в регионе в военный период.

Ключевые слова: Северный Кавказ; бандитизм; автономная республика; НКВД; дезертирство; добровольчество.

Введение

В 1941-1942 годах были изданы определенное количество секретных постановлений ГКО и директив НКО, которые ограничивали призыв в армию некоторого количества представителей народностей Советского Союза, среди них оказались и народности Северокавказского региона. Интересно проследить хронологическую последовательность появления этих документов и проанализировать их.

В марте 1942 года изданный начальником Главного управления формирования и укомплектования войск НКО (ГУФ) Щаденко приказ предписывал всех военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава по национальности чеченцев и ингушей увольнять в запас и отправлять в места проживания военнослужащих из рядовых и младших командиров с отметкой в военном билете «уволен в запас до особого распоряжения». Через несколько месяцев решением ГКО от 26 июля 1942 г.был объявлен призыв всех граждан 1924 года рождения. Однако, прошло несколько дней и приказом НКО 0585 было внесено уточнение: «до особых указаний» запретить призывать в вооруженные силы представителей коренных народов Дагестана Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Летом 1942 года на территории Северо-Кавказского военного округа стали формироваться восемь стрелковых дивизий. Из процесса комплектования новых формирований были исключены народности Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, а 24 августа на основании приказа начальника ГУФ Щаденко был приостановлен призыв в армию дагестанцев. Ограничения не коснулись осетин, кроме жителей Казбековского района Северной Осетии [2,4].

Здесь необходимо отметить, что по отношению уже призванных, а также принимающих участие в военных действиях представителей коренных народностей Северокавказского региона, никаких ограничивающих действий не проводилось. Большое количество людей, отправленных после начала Великой отечественной войны на передовую, приняли активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и достойно встретили Победу. К сожалению, не удалось по этому вопросу найти в архивах никаких статистических данных. Исключением стали депортированные в 1943-1944 годах представители некоторых народностей Северного Кавказа. Из действующей армии их демобилизовывали и параллельно проводили репрессивные акции в местах постоянного проживания [6].

Цель исследования заключается в комплексном анализе военно-мобилизационной политики Советского государства в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, выявлении причин введения ограничений на их призыв в Красную Армию, исследовании взаимосвязи мобилизационных мероприятий с реализацией национальной политики СССР, а также оценке влияния военно-политической обстановки, социально-политических процессов и добровольческого движения на принятие соответствующих государственных решений.

Материал и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-исторических методов. В работе использованы историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию военно-мобили-

зационной политики СССР в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, историко-сравнительный метод для сопоставления особенностей призывной политики в различных северокавказских автономиях, а также проблемно-хронологический метод, обеспечивший последовательный анализ нормативных решений и событий 1941–1945 гг. Источниковую базу исследования составили секретные постановления Государственного комитета обороны СССР, директивы и приказы Народного комиссариата обороны СССР, документы партийных и государственных органов, материалы делопроизводства, архивные источники, а также опубликованные научные исследования по истории национальной и военно-мобилизационной политики Советского государства. Комплексное применение указанных методов позволило выявить причины ограничения призыва представителей отдельных народов Северного Кавказа, определить влияние военно-политической обстановки на изменение государственной национальной политики и оценить роль мобилизационных мероприятий в системе обеспечения безопасности СССР в годы войны.

Результаты и обсуждения

Вообще, ограничение мобилизации по социальным, политическим и национальным причинам выделялись масштабностью оставляя в тылу очень много способных служить людей. В запас увольняли следуя программе очищения состава Советской Армии от людей национальности, которых были враждебны стране, а также состоявших с ней во враждебных отношениях [8]. Все это подтверждалось конкретными проявлениями враждебности по отношению властным структурам, и было превентивной мерой, издавно проводившейся во время военных компаний. В 1939 году, не обращая внимания на законодательство о призыве в армию, Наркомат обороны остановил призыв в вооруженные силы некоторых народностей, в чьей лояльности государству при осложнении обстановки в мире сомневались. В армию не призывались такие народности как: немцы, поляки, турки, болгары, греки, японцы, корейцы, прибалтийцы. Эти нормативы и позже ежегодно не раз повторяли в мобилизационном планировании, хотя позже призывы граждан указанных народностей возобновляли. Когда началась война представителей перечисленных народностей уволили из Красной Армии. В документах данные народности стали определялись «несоветскими» [10].

Данный пример показывает, что советское руководство столкнулось в начале военных действий с проявлением у представителей некоторых народностей замкнутого менталитета, не разделявшего целей воюющего государства, гражданами которого они являлись. В директиве весны 1943 года в связи с отменой мобилизации в Чечено-Ингушетии сформулированная причина гласила так: «В связи с особыми условиями, создавшимися… в связи с мобилизацией в армию». В ходе продолжавшейся войны углублялись ее тяготы, а отрицательное настроение у некоторого количества жителей Северокавказских республик нагнетались. Самого высшего напряжения такие настроения проявились перед и в ходе сражения за Кавказ В это время некоторая часть жителей, настроенная против Советской власти получили надежду, чтобы «освободиться», а это им навязчиво обещала немецкая пропаганда.

Надо отметить, что мобилизационные мероприятий требует тщательного изучения, основанного на выявлении их особенностей, а также соответствия с установками национальной политики государства. Призывные компании на Северном Кавказе во время войны еще никогда не рассматривались историками в контексте национальной политики Советского Союза. Тенденции развития национальной политики страны нужно рассматривать в сфере развития социально-политической ситуации в стране в целом и внутренней политики в стране в годы войны [12,14]. Тяжелая, подчас катастрофическая военная ситуация, в которой оказалось советское государство в начальный период, потребовало резкого ужесточения внутренней политики.

Начало военных действий складывалось для нашей страны крайне неблагоприятно. Красная Армия терпела крупные поражения и непрерывно отступала. В тылу у противника оставались наиболее населенные и промышленно развитые регионы страны. Развитие событий требовало от советского руководства немедленных действий по наведению порядка на фронте и в тылу, искоренению имевших большое распространение панических и пораженческих настроений. В этих условиях любая напряженность в социальной сфере, которая не зависела от ее истоков, могла квалифицироваться просто антисоветски и «контрреволюционно»,а в дальнейшем вызвать жесткие действия [16]. Такие действия часто носили внесудебный и предупредительный характер, с целью подстраховаться в оперативном плане. Подтверждает сказанное Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года о переселении из мест компактного немцев Поволжья и ликвидации государственной автономии.

В данном случае твердо было сказано, что сообщениям, которые являются достоверными среди них «есть десятки тысяч шпионов, диверсантов, которые по сигналу, принятому из Германии, будут производить взрывы». Между тем остальные жители немецкой национальности предупреждать об это государственные органы. Этим немцы содействуют разведывательной работе врага. Учитывая это руководством страны были «приняты действия карательного характера против немецких жителей Поволжья». Подобным образом в начале войны проводились мероприятия по изъятию из рядов Красной Армии выходцев из В западных регионах страны тоже проводились увольнения из вооруженных сил военнослужащих, которых массово приписывался шпионаж в Красной Армии [18,19].

Национальный вопрос во внутренней политике СССР был важной и вместе с тем очень трудной сферой. Преобразования 20-30-х г. в экономической и социально-политической областях изменили традиционный патриархально-родовой уклад горского населения, что вызвало у них ропот. В некоторых северокавказских республиках, еще до войны, происходили небольшие вооруженные выступления, но их подавляли силой. Лояльность народов Северного Кавказа советской власти в годы войны приобрела особое значение, т.к. стоял вопрос о их профессиональной военной подготовке и допуске к оружию. Призыв в армию стал Действенным средством изменения государственной национальной политики в соответствии с новыми реалиями воюющей страны стал призыв в армию [10].

Военно-мобилизационная политика стала отражать уровень доверительности страны к социальным и этническим категориям своих граждан. Призывная политика чувствительно изменила политический климат в автономных республиках Северного Кавказа.

Когда началась война население не всегда воспринимало с пониманием оборонительные работы, денежные займы, а также когда мобилизовывался транспорт и скот. Однако, когда началась война именно за счет местного населения была решена в основном труднейшая задача обеспечения продовольствием огромной армии, которая защищала Северный Кавказ. Когда началось сражение за Кавказ Военный совет Закавказского фронта требовал своим постановлением «усилить использование местных

продовольственных и фуражных ресурсов и особенно мяса, жиров, круп, муки» Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской, Чечено-Ингушской республик, Краснодарского, Орджоникидзевского краев. В тоже время перечисленные продукты прекращали завозить на территорию этих республик и краев [21].

Военные иногда допускали перегибы и ошибки. Так Самоев, уполномоченный Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) посланный на Северный Кавказ, с приближением линии фронта наблюдал распространившуюся картину. Без предъявления нарядов группы военных под предлогом необходимых нужд изымали у крестьян материальное имущество, скот и хлеб. Все эти факты вызывали большое недовольство у населения, а военные власти тормозили их искоренение покровительственным равнодушием [14]. Подобные факты равнодушного отношения к местному населению в неприглядном виде выставляли советские войска. В отношении лиц, которые допускали экпроприации без санкции военных советов армий и фронта принимали жесткие действия.

Выполняя задания правительства, грубым администрированием занимались иногда и государственные органы власти. В Дагестане, например, работы по возведению оборонительных сооружений во многих районах не оплачивались, кормили людей плохо. Были случаи, когда членов семей уклонявшихся от работ брали в заложники.

Бескомпромиссная борьба с бандитизмом порой принимала в национальных республиках недопустимые формы. Два чеченских села в сентябре 1942 года были сожжены несколькими партизанскими отрядами. Раннее бандиты жители данных селений принимали участие в нападении на небольшой отряд красноармейцев. В ответ на это и была проведена акция возмездия. Такие действия способствовали только эскалации противодействия определенных групп населения советской власти. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Руденко к числу главных причин расширения повстанческого движения относил «допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала».

Нередко неблагоприятную ситуацию и крупные проступки республиканские власти в своих регионах подолгу замалчивали. Примером служит проверка проведенная сотрудниками НКВД и лично Л. Берией, в сентябре 1942 года в Дагестане, которая выявила крупнейшие недостатки и злоупотребления в административном управлении горными районами республики. Население из-за засухи и недородов находилось на грани голода. Жители жестко выражало свое недовольство, уходили в банды, игнорировали колхозы, уклонялись от призыва на фронт, дезертировали из действующей армии. При этом, некоторые местные партийные и советские органы в столь сложном деле от проблем самоустранились, ожидали указаний сверху, опасаясь брать на себя инициативу. Впоследствии председатель Совнаркома Дагестана А. Даниялов признавал, что «во многом дезертирству способствовала нечеткость в работе аппаратов райвоенкоматов, партийных, советских и комсомольских организаций, слабая разъяснительная работа» [22]. По предложению Л.П. Берии, И.В. Тюленева и первого секретаря ЦК ВКП(б) Азербайджана М.А. Багирова 16 сентября появилось спецпостановление ГКО по Дагестану № 2309 подписанное И.Сталиным, в результате был снят с должности первого секретаря Дагестанского обкома партии Н.И. Линкун. Прошедший после этого 14-й Пленум обкома ВКП (б) Дагестана поднял вопросы бедственного положения дагестанского населения.

Один из выступавших, говоря о последствиях голода среди горского населения, отмечал: «Все происходило на наших глазах, и только после вмешательства ГКО мы делаем удивленные глаза: искривления нашей национальной политики… Не мы ли были свидетелями этого положения…, когда многотысячная армия бедствующего населения спустилась с гор на низменность, голодала и вымирала, кто из нас на наших партийных совещаниях и конференциях, пленумах открыто сказал об этом? Никто, ни один. Все это как-то считалось явлением обычным и проходило мимо нас». С конца 1941 года начинает вырабатываться система мер, направленных на оздоровление обстановки в неспокойных регионах Кавказа, снижение социальной напряженности. Этот комплекс включал в себя несколько мероприятий.

В первую очередь, постоянная агитационная и разъяснительная работа по разъяснению хода военных действий, деятельности руководства страны. Все понимали, что необходим барьер для домыслов и слухов, которые во многих горных районах заполняли вакуум информации. Особое внимание уделялось работе с женщинами, пожилыми людьми. Используя обычаи патриархальной семьи, им было необходимо убедить своих непримиримых мужей и сыновей, которые мириться с Советской властью не желали, усовестить их [18].

Во-вторых, широкое распространение получила практика легализации членов бандитских и повстанческих групп, дезертиров и уклонистов. Легализация исключала применение репрессий по отношению к лицам, добровольно спускавшихся с гор и складывавших оружие. В мае 1943 года добровольческая компания по вступлению горцев Чечено-Ингушетии в ряды Советской Армии закончилась неудачно, при этом Чечено-Ингушский обком ВКП(б) порекомендовал, чтобы компетентные органы применили репрессивные меры лишь к отдельным из выявленных 1157 дезертиров. Нехарактерный для того времени либеральное решение к людям, которые совершили тяжелое государственное преступление и в этом уличенным, имел целью не спровоцировать еще большее противодействие местного населения. В конкретной обстановке это был тактический ход. Нарком внутренних дел ДАССР Медведев отмечал позицию Берии по данному вопросу: «Тов. Берия говорил, что не всегда нужно разговаривать с бандитами оружием».

В-третьих. Работать на улучшение продовольственного снабжения горского населения.

В 1942 году в горных районах Северокавказских республик во время обороны Кавказа масштабы банддвижения достигли своего пика. На территории автономных республик прошли 44 войсковые ч операции НКВД (не считая операций, проводившихся частями Красной Армии), в ходе которых было ликвидировано 2376 бандитов. Уголовный бандитизм превратился в антисоветское профашистское повстанческое движение. Бандитские отряды имели средства связи, штабы и базы, . Одна из группировок, разгромленная в Чечне, насчитывала более 500 человек. Чечено-Ингушетия и Северо-Западный Дагестан были наиболее пораженными бандитизмом регионами, а в Кабардино-Балкарии бандитским движением были охвачены шесть районов. Ситуация в Чечено-Ингушетии вызывала наибольшее беспокойство. Впервые стали поступать тревожные сигналы об обострении социально-политической ситуации именно отсюда. Уголовный бандитизм и политическое повстанческое движение не останавливались здесь с момента, когда была установлена советская власть, хотя не жесткая непрерывная борьба и шла с этими явлениями. Уже первая мобилизация в июне-июле 1941 года проведена была с напряжением и обнаружила, что определенное количество горского населения в Крас-

ной Армии проходить службу не хотели [21,6]. Последующие перерегистрации, призывы призывников и другие военно-мобилизационные мероприятия-приписки проходили при усиливавшемся сопротивлении населения.

Весной 1942 года оно достигло своего апогея. По данным историка Э. Абрамяна из 14576 чел., призванных в марте 1942 года дезертировали 13560 чел, затем перешли на нелегальное положение и ушли в горы. Такая же ситуация наблюдалась в горных районах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Срыв мобилизационных, призывных и добровольческих компаний сразу становились очевидными руководству. Поэтому именно саботаж населением призыва и мобилизаций нередко являлся непосредственным поводом для приостановки призыва в том или ином регионе.

Руководители северокавказских республик оказались в сложном положении. Реакция лидеров Дагестана представляет собой редкий пример, когда республиканское руководство вступало в полемику с центральными органами власти по поводу приостановки призыва в своем регионе. Напротив, оно становилось объектом резкой критики со стороны Сталина за неспособность поддержать правопорядок во вверенных им регионах.

Интересно, но осенью 1942 года руководители Дагестанской республики обратилось в Главное управление мобилизации и формирования с предложением снять действующий запрет, объясняя это повсеместным уничтожением бандформирований, понижением числа дезертиров и уклонения от мобилизации. Но, данном случае и в дальнейшем руководители государства твердо следовали выбранному в начальные месяцы войны порядку по полному запрету на призыв горского населения Северного Кавказа. Сохранялся он до победы 1945 года.. Проводившийся призыв горцев 1927 года рождения, уже летом 1945 года тоже прошел без них. Представители народностей Северного Кавказа только на добровольной основе принимались на службу в армию.

В конце 1942 г. волну бандитизма, дезертирства и других негативных явлений в северокавказских республиках удалось сбить, а в течении 1943 г. в основном эти явления ликвидировать.

Добровольная запись в действующую армию стало альтернативой отмененному обязательному призыву. Это представлялось дать возможность предохранить Красную Армию против проникновения в нее настроенных против Советской власти и неустойчивых лиц и в тоже время становилось возможным удовлетворять стремления горцев, которые имели желание отстаивать интересы своей страны на поле боя [18].

Добровольческое движение в автономных республиках Северного Кавказа в начале войны, как и во всей стране, обязательный призыв дополняло.. Но особенно важным являлась его идеологическая функция: добровольчества, его размеры показывали уровень патриотизма, его подъем у населения. Эти показатели были очень важны для советского правительства.

Как правило, добровольческое движение охватывало граждан непризывного возраста, а также комиссованные по болезням, увечьям, старшего возраста. В начале сентября 1942 года на фронт отправились 2000 добровольцев из числа коренных народностей Чечено-Ингушетии и 4900 добровольцев из Дагестана.

Внимательное отношение лично И.В. Сталина к добровольческому движению на Северном Кавказе говорит о том, что в национальной политике на Северном Кавказе оно стало важнейшим аспектом. Отчетливее всего это подтвердилось в начале 1943 года, когда в Дагестане и Чечено-Ингушетии после раннее приостановленной обязательной мобилизации была проведена добровольный призыв. К середине марта 1943 года по Чечено-Ингушетии удалось мобилизовать 4209 человек, прежде всего чеченцев.

Благоприятное положение складывалось в Дагестане. Здесь властям не пришлось прибегать к крайним мерам, поскольку дагестанцы показывали значительно высокую сознательность. Осенью 1942 года Обкому партии Дагестана удалось достаточно хорошо организовать компанию. К середине 1943 года было подано 8368 заявлений добровольцев, большое количество которых были молодые люди; 3,5 тыс. граждан знали русский язык. По словам заведующего военным отделом Дагестанского обкома партии Омарова, «в большинстве районов заявления подали почти все мужчины».

Выводы

В целом положение в Дагестане выгодно отличалось от ситуации с добровольчеством, сложившейся в соседней республике. Заместитель командующего Закфронтом генерал-лейтенант Курдюмов в служебном документе отмечал: «Вербовка добровольцев в Дагестане проходит гораздо лучше, чем в Чечено-Ингушской республике. Как видно, Дагестанский обком подошел по-серьезному к этому вопросу». Результаты добровольческого призыва оценивались Кремлем политически и стали основой решений о дальнейшей судьбе чечено-ингушского и дагестанских народов. В проведенных добровольных мобилизациях начала 1943 г. новое руководство Дагестана, возглавленное в сентябре 1942 г. вторым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана А. Алиевым, несмотря на издержки, выдержало экзамен.

Руководство Чечено-Ингушетии (первый секретарь обкома В. Иванов), несмотря на сверхусилия, не смогли переломить устойчивых антисоветских настроений в среде горцев Чечено-Ингушетии. После весны 1943 года в северокавказских республиках добровольчество существовало только в масштабах местных мероприятий. В отношении чеченцев и ингушей было и вовсе признано целесообразным прекратить вербовку добровольцев, а контингенты, оставшиеся после республиканской компании, распустить по домам.

Содержание государственной призывной политики определялось двумя противоположными по смыслу факторами. С одной стороны, потребности несшей тяжелые потери действующей армии требовали постоянного притока людских пополнений. С другой страна проводя призывную политику вносила в национальную политику изменения. В итоге взяли верх приоритет политических соображений.

Литература

1. Из донесения Военного совета Закавказского фронта Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину по поводу переформирования национальных соединений от 9 октября 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29. Подлинник.

2. Report from the Military Council of the Transcaucasian Front to Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin regarding the reorganization of national formations, dated October 9, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Original. – 1942. – P. L. 29.

3. Ореховский А. В. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – С. 36–43.

4. Orekhovsky A. V. The USSR's Nationalities Policy During the Great Patriotic War // Ethnosocium and Interethnic Culture. – 2015. – № 2. – P. 36–43.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 999. Д. 125. Л. 608, 674.

6. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 125. L. 608, 674.

7. Огоновская И. С. Народы Кавказа и сталинская национальная политика в годы Великой отечественной войны: отражение проблемы на страницах советских, постсоветских и современных учебников истории // Вторая мировая война 1939-1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа. – 2020. – С. 165–172.

8. Ogonovskaya I. S. The Peoples of the Caucasus and Stalin's Nationalities Policy During the Great Patriotic War: Reflection of the Issue in Soviet, Post-Soviet, and Contemporary History Textbooks // World War II (1939–1945) in the Historical Destinies of the Peoples of Russia and the Caucasus. – 2020. – P. 165–172.

9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 20. Л. 41.

10. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 20. L. 41.

11. Кукс Д. Ю. Национальная политика Советского государства в период гражданской войны: особенности теории и практики // Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Часть I: Материалы международной научной конференции аспирантов и студентов. – 2021.

12. Kuks D. Yu. The Soviet State's Nationalities Policy During the Civil War: Specifics of Theory and Practice // Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Part I: Proceedings of the International Scientific Conference for Graduate and Undergraduate Students. – 2021.

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222.

14. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 144. Op. 13189. D. 93. L. 222.

15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 128. Л. 8–14.

16. Russian State Military Archive (RGVA). F. 38650. Op. 1. D. 128. Ll. 8–14.

17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 83–86.

18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 85. L. 83–86.

19. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39385. Оп. 1. Д. 5. Л. 88–94.

20. Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-894сс о формировании национальных войсковых соединений от 13 ноября 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 83–87.

21. Resolution of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military units, dated November 13, 1941 // Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87. – 1941. – P. С. 83–87.

22. Постановление Бюро Дагестанского Обкома ВКП (б) «О формировании кавалерийского эскадрона из народностей ДАССР» от 15 сентября 1942 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 12. Л. 150. Подлинник.

23. Приказ командующего войсками Закавказского фронта № 0024 генерала армии И. В. Тюленева войскам с объявлением директивы заместителя наркома обороны генерал-полковника Е. А. Щаденко об объявлении добровольного призыва в северокавказских республиках от 27 января 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 1–4. Заверенная копия.

24. Order No. 0024 issued to the troops by the Commander of the Transcaucasian Front, Army General I. V. Tyulenev, announcing the directive of Deputy People's Commissar of Defense Colonel General E. A. Shchadenko regarding the call for volunteers in the North Caucasian republics, dated January 27, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 326. Ll. 1–4. Certified copy. 6. Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) «On the formation of a cavalry squadron from the ethnic groups of the DASSR,» dated September 15,. – 1942. – № 0024.

25. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 70. Л. 220.\.

26. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 70. L. 220.

27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 31–33.

28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 43. D. 381. L. 31–33. 14. Russian State Military Archive (RGVA). F. 39385. Op. 1. D. 5. Ll. 88–94.

National policy of the soviet state during the years of the struggle against fascism

Israpov A.A.
International Law Institute MLI

The article examines the Soviet military mobilization policy toward the indigenous peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War. The purpose of the study is to identify the reasons for restricting the conscription of representatives of certain North Caucasian ethnic groups into the Red Army, to analyze the legal acts regulating mobilization measures, and to determine the relationship between conscription policy and the implementation of the Soviet national policy under wartime conditions. The methodological framework includes historical-genetic, historical-comparative, problem-chronological, and historical-legal methods. The source base consists of classified resolutions of the State Defense Committee of the USSR, directives and orders of the People's Commissariat of Defense, archival documents, materials of Party and state authorities, and scholarly publications on the subject. The study demonstrates that restrictions on conscription were determined not only by military-operational considerations but also by the complex socio-political situation in several North Caucasian autonomous republics, including the growth of desertion, armed banditry, and anti-Soviet activities. It is shown that military mobilization policy became an important instrument of Soviet national policy, reflecting the level of trust of the central authorities toward particular ethnic groups. The study concludes that the combination of restrictive measures and voluntary enlistment campaigns shaped the specific nature of state interaction with the population of the North Caucasus and significantly influenced the development of interethnic relations in the region during the war years.

Keywords: North Caucasus; banditism; autonomous republic; NKVD; desertion; volunteering.

References

1. Iz doneseniya Voennogo soveta Zakavkazskogo fronta Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu I. V. [To Stalin regarding the reorganization of national formations from October 9, 1942] . // TsAMO RF. F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Podlinnik (In Russian).
2. Report from the Military Council of the Transcaucasian Front to Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin regarding the reorganization of national formations, dated October 9, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Original. – 1942. – P. L. 29.
3. Orekhovskij A. V. [The national policy of the USSR in the Great Patriotic War] // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2015. – S. 36–43 (In Russian).
4. Orekhovsky A. V. The USSR's Nationalities Policy During the Great Patriotic War // Ethnosocium and Interethnic Culture. – 2015. – № 2. – P. 36–43.
5. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 209. [Inventory 999. File 125. Pages 608, 674] (In Russian).
6. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 125. L. 608, 674.
7. Ogonovskaya I. S. [The peoples of the Caucasus and Stalin's national policy during the Great Patriotic War: reflection of the problem in the pages of

Soviet, post-Soviet and contemporary history textbooks] // Vtoraya mirovaya vojna 1939-1945 gg. v istoricheskikh sud'bakh narodov Rossii i Kavkaza. – 2020. – S. 165–172 (In Russian).
8. Ogonovskaya I. S. The Peoples of the Caucasus and Stalin's Nationalities Policy During the Great Patriotic War: Reflection of the Issue in Soviet, Post-Soviet, and Contemporary History Textbooks // World War II (1939–1945) in the Historical Destinies of the Peoples of Russia and the Caucasus. – 2020. – P. 165–172.
9. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 5871. [Inventory 5689. File 20. Page 41] (In Russian).
10. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 20. L. 41.
11. Kuks D. Yu. [The national policy of the Soviet state during the Civil War: peculiarities of theory and practice] // Mezhdu perspektivami novykh identichnostej i vyzovami vojn pamyati. Chast' I: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii aspirantov i studentov. – 2021 (In Russian).
12. Kuks D. Yu. The Soviet State's Nationalities Policy During the Civil War: Specifics of Theory and Practice // Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Part I: Proceedings of the International Scientific Conference for Graduate and Undergraduate Students. – 2021.
13. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 144. [Inventory 13189. File 93. Page 222] (In Russian).
14. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 144. Op. 13189. D. 93. L. 222.
15. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 38650. [Inventory 1. File 128. Pages 8–14] (In Russian).
16. Russian State Military Archive (RGVA). F. 38650. Op. 1. D. 128. Ll. 8–14.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. [Inventory 125. File 85. Pages 83–86] (In Russian).
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 85. L. 83–86.
19. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 39385. [Inventory 1. File 5. Pages 88–94] (In Russian).
20. [Decree of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military formations from November 13, 1941] . // Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87 (In Russian).
21. Resolution of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military units, dated November 13, 1941 // Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87. – 1941. – P. C. 83–87.
22. [Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) 'On the formation of a cavalry squadron from the nationalities of the DASSR' from September 15, 1942] . // Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Dagestan (TsGA RD). F. P-1. Op. 23. D. 12. L. 150. Podlinnik (In Russian).
23. Prikaz komanduyushchego vojskami Zakavkazskogo fronta № 0024 generala armii I. V. [Tyulenev's order to troops announcing the directive of the Deputy Commissar of Defense Colonel-General E. A. Shchenko on the declaration of voluntary conscription in the North Caucasus republics from January 27, 1942] . // TsAMO RF. F. 209. Op. 999. D. 326. L. 1–4. Zaverennaya kopiya (In Russian).
24. Order No. 0024 issued to the troops by the Commander of the Transcaucasian Front, Army General I. V. Tyulenev, announcing the directive of Deputy People's Commissar of Defense Colonel General E. A. Shchadenko regarding the call for volunteers in the North Caucasian republics, dated January 27, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 326. Ll. 1–4. Certified copy. 6. Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) «On the formation of a cavalry squadron from the ethnic groups of the DASSR,» dated September 15,. – 1942. – № 0024.
25. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 5871. [Inventory 5689. File 70. Page 220] (In Russian).
26. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 70. L. 220.
27. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. [Inventory 43. File 381. Pages 31–33] (In Russian).
28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 43. D. 381. L. 31–33. 14. Russian State Military Archive (RGVA). F. 39385. Op. 1. D. 5. Ll. 88–94.